

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяца.

Предплата:
на годъ 3 зр. 60 к.
на польг. 1 зр. 80 к.
на кварталъ 90 кр.

ДРУГЪ

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

ДЕНИСЪ.

ПОВѢСТЬ.

Написалъ Михаилъ Ватилевичъ.

(Продолж.) Мой онъкунъ запровадилъ мене до своего обиталища. Была то маленька хатинка на поддашь однои камяницѣ на жолковскомъ передмѣстю. Убого обиталь господинъ Коцубалинскій, pleno titulo фаготистъ орхестры театральной. Чотыри стѣны, столикъ подъ окномъ, два поломаны кресла, ложко импровизоване зъ трехъ дощокъ и двохъ подставокъ и стара шафа безъ дверей становили все снаряды, безъ которого годъ прійшлобы въ нынѣшихъ временахъ и Діогенови обойтися. На столѣ стояла великанская ляmpа, знать забытокъ зъ лучшихъ временъ, но чать, той неумолимый истребитель всякаго рода изъбрѣтеній человѣческого ума, осмолилъ и надбилъ еи цилиндеръ и выщербилъ банию. На постели лежали складовыи части фагота, одного corpus delicti, свидѣтельствующаго о музыкальному образованью моего опъкуна.

А propos, былъ бымъ забыть о слоникахъ съ табакою, симетрично установленыхъ на шафѣ; а было тамъ ажъ четыри роды мѣшанины того благородного пыла. Каждый слоникъ обнималъ въ собѣ овошъ долголѣтнихъ досвѣдѣвъ и черезъ тое время неразъ измѣняль свое содержанье, доки г. Коцубалинскій не прійшолъ до пересвѣдченья, что такій а такій родъ мѣшанины надаеся найлучше первои, иный второи, той третои, тамто послѣднїи седмицї мѣсяца. Но годъ, бѣдолака ошибся въ рахубѣ. Каждый мѣсяцъ кромъ лютого числить два или три дни большие якъ всѣ четыри седмицї разомъ, а на тіи уже не мало содержанія въ слоникахъ Коцубалинскаго, тожь мусъль бы на тыхъ дняхъ задоволятися простымъ выробомъ винницкой или которои зъ россійскихъ фабрикъ. Но така воздержность была надъ силу для органа нюху, еще такъ досконало выпосаженого отъ природы, якъ у моего нового опъкуна; а що посля науки физіологии терпніе одного органа удѣляется цѣлому физичному организму, а

Редакція и администрація улицы
Краковская ч. 19.

Неопечатанныи ре-
кламації принима-
ются на почтѣ без-
платно, и увзглядня-
ются лишь до 14 дней

физичный организмъ стоить въ тѣсной связи съ духовымъ, тожь и г. Коцубалинскій былъ въ послѣднихъ дняхъ каждого мѣсяца якъ не свой, и никто не подивуеся, что старался чимсь небудь порожню въ носѣ, а отси въ цѣлѣмъ своемъ тѣлесномъ и и духовомъ составѣ выполнити. По долгихъ пробахъ оказалось найотвѣтнѣйшимъ къ тому суррогатомъ „Нема страху.“ Но той плынь былъ за острый на слабую голову его и добавалъ ему понуки до героическихъ чиновъ, котрый провадили его густо часто до полиціи, где кимлевый герой малъ часъ проспатися на лаврахъ — сирѣчь на причи.

Видимъ протое, что не онъ самъ былъ виноватъ своей нещастной навычцѣ, но астрономы, що подѣлили тыжденъ на сѣмь а мѣсяцъ на тридцять день. Тоё доказує такожь и статистика полиційная, где можна пересвѣдчитися, що въ мѣсяци лютомъ только разъ затворено Коцубалинского за піянство до казнї, но тогды былъ годъ переступный.

— Ото мои апартамента, мостердью — сказать мой хозяинъ до мене — правда есть тутъ всего до збыту, бодай пороху, смѣтья и паучины?

Я поглянуль по подлозъ, стѣнѣ и окнѣ — и дѣйстно на тыхъ артикулахъ, хотя зовсемъ безполезныхъ въ домашнѣмъ хозяйствѣ, тутъ не зывало.

Господинъ фаготистъ былъ днесъ дуже шутливого настроенія духа.

— Порохъ, смѣтье, и пауки вразъ съ цѣлымъ територію отдаю, мостердью отъ тои хвилѣ подъ твою власть, собѣ же оставляю неограничене право только надъ фаготомъ, который у насъ обохъ долженъ быти въ почитанью, бо благодаря его звучному голосу жити будемъ, мостердью, якъ князь, хотя часомъ пріиде намъ задоволитися чистою совѣстью до солодкого сну — то своею дорогою, мостердью...

Я усмѣхнулся не зъ дотепу г. Коцубалинскаго, но только щобы ему приподобатися и почаль розглядатися по кутамъ, щобы найти якесь соотвѣтне орудіе, которымъ можна бы замести хату.

— За чимъ ты глядишь, сынку?

— За мѣтловъ.

— Такіи артикулы у мене бывали, но теперь, мостердью... этъ!...

— Колиже безъ нихъ годъ обойтися — дово-
диль я.

— Овъ, виджу що ты не далеко зайдешь
въ свѣтъ, такъ якъ той кѣнь, мостердью, що зъ разу
съпаєса подъ гору съ тягаромъ, а потомъ середъ дороги
стае. Поволи, поволи, мостердью, всего наразъ не
возможно; и мѣтла буде и порохи сchezнутъ —
только пожди. Но я тебе тутъ годую словомъ, а
ты мусишь быти голодень?

Такій вопросъ былъ у мене совсѣмъ излишній,
я отъ кольканадцати годинъ вичого не малъ въ ротъ.

— По трохи, отвѣтиль я.

Мой хозяинъ посмотрѣлъ по кешеняхъ, и видно
пересмотрѣ той не задоволилъ его, бо покру-
тиль значительно головою.

— Овъ, филютка тата груба жидовка, об-
ѣрала мя, мостердью, до крайцаря. Мусимъ постити,
небоже, но не лякайся, недолго того буде: сегодня
маемъ первого, то день радости и веселія роду чо-
ловѣчому. По пробѣ выплатить мнѣ дирекція 30 зп.
жалованья.

— То сегодня записуютъ въ гимназію — за-
мѣтиль я.

— Бачу...

— Можетъ бы и я записалъ?

Г. Коцубалинскій подумалъ хвильку:

— Днесъ годъ — сказалъ. — Я тамъ того,
мостердью, добре не знаю, но менѣ здаєса, що до
такихъ записбовъ треба грошей, а якъ бы то, мо-
стердью, выглдало, если бы сказали: заплати го-
сподине Коцубалинскій. а господинъ Коцубалинскій
не має анѣ крайцаря.

Напротивъ того не малъ я и слова замѣтити,
тожь молчаль и бубниль пальцами по столу — ин-
шои роботы не умѣль я собѣ на-разу найти.

Мой хозяинъ тымчасомъ, пошолъ до постели,
котора, мимоходомъ сказавши, не грѣшила дѣвою
бѣлизною, и выняль зъ подъ сѣнника якесь платье.

— О одинадцятому часу — каже — маю, мо-
стердью, быти уже на пробѣ, а мой фаготъ еще не
очищенный.

И забрался до чищенья инструмента.

— Критичныи теперъ часы для насъ — го-
ворилъ полуголосомъ — то чоловѣкъ, мостердью,
мусить приставати на 30 зп. жалованья и зъ того
жити и одѣтися и табаки купити и...

— И напитися якось тамъ „Нема страху“
— докончиль я собѣ по тихо.

— И тебѣ, мостердью, буде книжокъ треба,
бо якъ тутъ безъ того учитися, а тіи вашї книжки
бачь дорогѣ...

Я засумовался. Гадаю собѣ: Боже! даль ты
чоловѣкови здоровї руки и охоту до працї, щожь,
коли зыскъ съ той працї еще далекій и непевный?
Теперь я, якъ дитя мале, неспособній до ничего,
есмь только тягаромъ собѣ и другимъ. Мой опѣ-
кунъ знать перечулъ сердцемъ мои гадки, бо
отозвался:

— Но, но, не сумуй, мостердью, якесъ то зро-
бится. Чому я не зараджу, зарадять добріе люде, в
впрочемъ и Богъ нась, мостердью, не о
якъ прійдутъ, мостердью, мясницї, го! го
для насъ, мой фаготъ, мостердью, заголосить, що
ажъ уха люде будуть собѣ затыкати, а грошей
буде гукъ...

— А чому же то мясницї такій добрій? во-
просилъ я не зъ любопытности, но только задля
того, щобы моему опѣкунови не дати познати, що
его бесѣды только однимъ ухомъ слухалъ, такъ до-
скуляль мнѣ голодъ.

— Ба! ты не знаєшь, мостердью, — отвѣ-
тиль онъ — въ мясницї люде шалють. Що ве-
чера гдесть баль, то подъ чорнымъ орломъ, то подъ
толстою гускою, то у Якубка, то Богъ знає где.
А люде, мостердью, требують, щобы имъ было и
звучно и гучно.

— Щастливъ чоловѣкъ — гадаю собѣ — ко-
трому самій думки о лучшої будучности стануть
за снѣданье, но у мене такъ не іде. — Розва-
живши обстоятельства зъ моего становища, оставилъ
я господина Коцубалинскаго съ его фаготомъ и
думками, а самъ вимкнулся нишкомъ, зѣгъ на до-
лину, купиль за решту моєї готовизни у пере-
купки полубохонець хлѣба и масла, и съ тими спе-
ціялами повернуль на гору къ удивленому моему
хозяинови.

— А...а...а... ты отки то маєшь, мостердью?
вопросилъ онъ, коли я хлѣбъ и масло поставилъ
на столъ.

— Купиль.

— Гм... то ты маєшь гроши, мостердью?

— Уже не маю, то решта зъ ренского, ко-
трый ми тато дали на дорогу.

Господинъ Коцубалинскій всталъ, обтеръ собѣ
руки и добывши якось козика забрался до хлѣба.

— Гм, гм, мостердью, помруковаль — ажъ
полъ бохонця... ба и масло! О ты, мостердью, не
знаєшь еще экономії. То за много на разъ: оща-
дность передовсемъ, ощадність, мостердью.

Но мимо пропаганды ощадности и экономії,
змолотили мы все такъ, що бы и для кота не стало.
Потомъ разговорювали мы то о томъ, то о сѣмъ:
онъ роспытоваль мене о подробности зъ моего жи-
тия, оповѣдалъ менѣ гдешо о собѣ, я помогаль ему
чистити триплею металевыи части его фагота. Въ

пôль до одинадцатого часа выбрался мôй хозяинъ на пробу.

Я остался самъ. Хвильку ходилъ я по комнатѣ, а потомъ почался розглядати за якимъ занятіемъ. На споду въ шафѣ были якись книжки, которыи, якъ я пôзнѣйше дôзнался, дôсталися моему опъкунови по якимъ ученои вуйкови. Я взялъ первую, яка мнѣ навинулася. Недоставало вправдѣ колька картокъ съ початку, но то не было для мене перепоною, — книжка написана на польскомъ языцѣ. Я сталъ читати: читалъ на голосъ, но кроме звука словъ не розумѣль ничего. Богъ, религія, розумъ звучали тамъ часто и зливалися съ иными словами въ гармонійную каскаду. Я чувствовалъ привлекательную силу той книжки, и не оторвался скорше отъ неи, доки не почулъ кроки моего хозяина на сходахъ.

Онъ войшолъ до хаты и кромъ фагота двигаль великанскую мѣту подъ пахою.

— Маешь, то твой прaporъ, мостердью, — скала жартобливо вручающи менѣ мѣту.

Я взялъ и забирался сейчасъ пораитися коло хаты:

— Пожди, мостердью, я пороховъ знести не можу. По обѣдъ пôду за своимъ дѣломъ, а ты роби себѣ, що хочешь, а теперъ пôдемъ, мостердью, на обѣдъ.

Я сталь съ мѣтлою якъ жолвѣрь, що передъ своимъ начальникомъ оружье презентує, и видивился на Коцубалинского.

Онъ усмѣхнулся.

— Ба мусиши, мостердью, знати, — що я уже подумаль о обѣдѣ для тебе. Панъ Андреева, наша, мостердью, сторожева, обовязалася за 5 зредавати тебѣ обѣдъ и сиѣданье черезъ цѣлый мѣсяцъ, а о прочемъ подумаемъ, мостердью.

Чимъ я обовязаль себѣ того человѣка, що онъ бôльш рôдного батька старається о мене? Себѣ отнимае, щоби бѣдного притулити при себѣ, а якоижъ ожидае онъ нагороды за свое добре сердце? Отъ людей ніякои, хиба отъ Бога. Люде величають только человѣколюбіе тыхъ, що человѣколюбiemъ зъ делетантуры забавляються. Онъ самъ убогій, самъ потребовалбы ласки, а ктожъ зважає на тое, що той бѣдный послѣднѣю лептою съ бѣднѣйшимъ отъ себе дѣлится? Но на скрижалъ моего сердца віписаный памятникъ для того добродѣтельного, хотя необразованого мужа, который такъ долго тревати буде, доки сердце тое бити не перестане.

Я тогды быль еще дуже молодой, — но сердце мое уже было приступне для вдачности. Очи зрослиси слезами. Я приступилъ къ моему хозяину хотячи его руку поцѣловати, но онъ взборонялся.

— Залиши, залиши, мостердью, и не мазгайся я виджу, що ты добра дитина, — ну ходи, заведу тебе до панъ Андреевои.

Мы пôшли.

Зъ обѣду панъ Андреевои былъ я доволенъ: салитерка затирка, спорый тарель ячменной кашї съ солониною, то было все, но я до такои стравы звыкъ, и она отвѣчала совсѣмъ моимъ гастроно-мичнымъ вымогамъ.

По обѣдѣ повернуль я до нашои хатинки, по-замѣталь еъ чисто, постиралъ порохи, а решта часу, нѣмъ повернуль Коцубалинскій, который просто зъ обѣда пôшолъ на мѣсто, забрало мнѣ читанье тои привлекательної книжки.

Вкінци вернуль мôй хозяинъ и принесъ пôдъ паховъ величезный бохонецъ хлѣба, якій только на жолкѣвскому передмѣстю можна купити. Скоро побачиль розложену книжку на столъ, заразъ взяль еъ въ руки, оглянуль, покивалъ головою и вопро-силъ по хвили съ усмѣхомъ:

— Ты читаль на той книжцѣ?

Я потакнуль.

— Отъ, страченый часъ, мостердью...

— Та чому?

— Эть, много бы, мостердью, о томъ говорити. Ты певно зауважаль колька выдертыхъ картокъ зъ початку?

— Ага...

— Но видишъ, мостердью, — тіи картки пали жертвою моего негодованья. Бо треба знати, мостердью, що та книжка належала до моего покой-ного вуйка, который былъ даже ученымъ человѣкомъ и хотѣлъ такожъ зъ мене ученого дурака выстругати. Онъ, мостердью, посыпалъ мене до школы, самъ училь дома и мучиль человѣка, що менѣ вже быль и свѣтъ обридъ. Но то еще ничъ. Лихо хотѣло, що менѣ на крещенію дали на второе имя Эмиль — а мусиши знати, мостердью, що та книжка носить титло Эмиль.

— А якъ называється той, що еъ написаль?

— Называється... заразъ, мостердью... а бодай его съ тымъ заказанымъ таліанскимъ чи францу-скимъ іменемъ... ага, Жанъ Руссо, мостердью.

— Жанъ Руссо — повторилъ я себѣ колька разъ по тихо.

Господинъ Коцубалинскій продолжалъ:

— Ой, не забуду я того имени. Мôй вуйко, мостердью, увзялся прямо выкeroвати мене на яко-гось тамъ Эмиля, о которомъ говорить та книжка. Колими только малъ свободное время, которое ины хлощи къ увеселенью уживають, онъ заставляль мене до той книжки и казаль читати, и толковаль и объясняль, а я, мостердью, слухаль, о слухаль мостердью, хотя не розумѣль нї слова. Тіи картки, которыхъ тутъ хибуе, были уже такъ подерти и

ымятій, що поотмътували сами, но менъ зъ нихъ ани положеня не остало въ головъ.

— О чѣмъ же онъ тутъ пише, той Жанъ Руссо?

— А кто его тамъ знае. Я, мостердью, не разумѣль нѣ слова, онъ тамъ пише о чѣмъ, що такихъ людей якъ я, мостердью, головы не береся. Но знать не мусить тамъ быти ничъ доброго, бо та книжка великои бѣды наробила въ свѣтъ.

— Яко? — вопросилъ я любопытно.

— Эть, найлучше умѣль бы розказати тобъ о тѣмъ м旤й вуйко. Онъ, мостердью, читалъ завсегда на тыхъ тамъ книжкахъ, въ которыхъ я только туу корыстъ бачу, що есть чимъ въ зимъ въ печи пѣд-палити. Книжка, мостердью, накормить человѣка ученошю, но не научить, якъ жити съ людьми, якъ дати собъ раду въ свѣтъ. И менъ не далибы тїи книжки ъєсти, мостердью, еслибы не умѣль на фаготъ грati. М旤й вуйко, мостердью, дай ему Боже небо, не отличался великимъ благорозумiemъ.

— Менъ здається — замѣтилъ я — що въ книжкахъ весь розумъ мѣстится.

— Эть, я тамъ, мостердью, того не знаю, Но менъ здається, що зъ книжокъ учися, а оть людей и свѣта не отдалаїся.

По такомъ dictum замолкъ м旤й менторъ, а я сталъ у себе роздумовати надъ тымъ, що онъ менъ сказалъ. Тогда не хотѣль я еще вѣрити его словамъ, но познѣше малъ я не раль случай пересвѣдчитися о правомъ поглядѣ фаготиста театральнай орхестры на тїи рѣчи.

— Можетъ ты малъ охоту, мостердью, щось красного побачити? заговорилъ по долгой хвили м旤й опѣкунъ.

— А чомуужь бы нѣ?

— Но то пойдешъ нынѣ въ вечеръ со мною до театра.

— Щожъ то таке?

— Го...го! театръ, мостердью, есть мѣстце, где люде различныи комедіи пускають — побачишъ, ажъ очи свои забудешь.

Нетерпеливо ожидалъ я того вечера.

Пблъ до семого часа пшли мы до театра. М旤й опѣкунъ помѣстилъ мене коло себе въ орхестрѣ и наказаль тихо спроватися, щобы и муха мене не чула. Розглядаюся...

М旤й Боже, яка то великанска сала, що свѣтла, а що людей повсюду! На долинѣ, по вишкахъ, а навѣть и на бантахъ підъ самою стелею, на котої якъ на небѣ, зарѣли золотыи звѣзды.

Лопотъ, стукъ и гукъ роздался оть горы, я думалъ, що стела валится и хотѣль утѣкати, но м旤й опѣкунъ повздержаль мя.

— Не бойся — каже — то публикa нетерпеливится, що орхестра не грає.

Заграла орхестра. Боже! я еще не чуваль такои музыки, а найбѣльше подобался мнѣ клярнетъ якогось господина съ синёю умбрюю надъ очима и фаготъ моего хозяина. Тыхъ двохъ инструментовъ найбѣльше было чути.

Представляли сего вечера: „Розбйники“ трагедію Шиллера. Я глядѣль на сцену; всѣ мсли, всѣ чувства сострѣлися въ змыслъ ока, малъ, що я перенесеный въ іншій, незнаный величавшій оть того, на которомъ жиль я доси, во страшнѣйшій о много. Я чувствовалъ вразъ съ дѣйствующими лицами, сердился на Франца и радъ былъ здемасковати всѣ его огидныи пляны, но коли при концѣ второго дѣйствїя Карлъ опрышкѣвъ своихъ провадиль до бою, то менъ мало зъ грудей сердце не выскочило, кровь въ жилахъ варомъ за-кипѣла... О, я хотѣль бы такимъ Карломъ быти!

Но и тутъ не обойшлюсь безъ комичнаго интермецио, въ которомъ я нещастный отограль головную роль.

Якъ извѣстно въ четвертомъ дѣйствїю змавляется Шпигельбергъ съ якимъ другимъ опрышкомъ на вожда — на моего Карла. Га! еслибы я его дѣсталъ тогды въ руки, пэтамылбы русскій мѣсяцъ. Но вѣдай предвидѣль тое авторъ, и щобы мене задоволити, велѣль Шварцу подслушати змову и стрѣлить зъ пистолета до Шпигельберга.

Злобникъ заточился и рунулъ якъ долгій. — Карль м旤й уратованый.

— Убиль! крикнулъ я, и плеснуль зъ радости въ долонї —

— Пссст. роздалося на партерѣ и въ горѣ на бантахъ...

М旤й опѣкунъ потягнуль мене за полу — —

— Молчи, бойся Бога, они только такъ удають.

Скончилася штука, мы выйшли зъ театра — но въ моей души играли еще завсегда чувства, якія така пламенна трагедія, якъ Розбйники въ молодяній души возбудити потрафитъ. Я чувствовалъ себе инымъ человѣкомъ: готовымъ до борьбы, до жертвы, до всего, що добре и величаве; даже и на м旤й физичній организмъ подѣйствовала трагедія Шиллера. Члены набрали якоись дивнои пружистости, груди розширилися а приспѣшній отдыхъ свѣдчилъ о волненю крові, даже ходъ былъ лекій якъ звичайно.

Цѣлу ночь сніль я о Карлю.

* * *

На другій день запровадиль мя м旤й опѣкунъ до академической гимназіи, щобы мя записати до первои клясы. Директоромъ того заведенія быль

тогда г. П..... старики середиего росту, и хотя уж шестой крестикъ оставилъ за собою, держался еще крѣпко и не малъ ий одного сивого волоска. Мужъ той цѣлый вѣкъ свой посвятилъ для добра человѣчества. Мало есть такихъ, что не училися подъ нимъ и что не згадаютъ мило о немъ — бо онъ былъ отцемъ для своихъ учениковъ.

Въ канцеляріи застали мы уже колька лицъ, ими одного священника грубого и надувающаго истинно на бочку. Сидѣлъ онъ и съ усышкомъ прислушовался испыту мальчика, который здавалъ поправку зъ географіи.

Испытъ отбывался слѣдующимъ способомъ:

— Скажи менъ вопросиль учитель — сколько маемъ частій свѣта?

— Ча..астій свѣ..ета ма..емъ... ма..емъ...

— Но, маемъ, но...?

Молчаніе...

— Уважай же... Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія. Теперь, колько ж маемъ частій свѣта?

— Пя...а...а...ть!

— А видишъ... красно. А въ которої части жилемъ мы?

— Мы жі...илемъ... жі...илемъ...

— Но... но... въ Евро...

— Въ Евро...опъ.

— А сколько цѣсарствъ мѣстить въ собѣ Европа?

— Европа мѣ...ѣстить... мѣ...ѣстить...

— Но... но... только смѣло — тутъ показаль ему пять пальцѣвъ руки.

— Пя...а...а...ть!

— Дуже красно. А наша монархія есть ли цѣсарствомъ чи королевствомъ?

— Короле...евствомъ — отвѣтилъ экзаменантъ безъ намысла —

— Такъ... такъ стисло взявшіи — но тое королевство есть частію цѣ...

— Цѣ...ѣса...арства.

— Добре! А якъ зовеся то наше цѣсарство?

— То...ое цѣ...ѣса...арство зо...овеся, зо...овеся

— Но... только смѣло Авст...Авст...

— Австра...алія! отвѣтилъ мальчикъ голосомъ, якимъ Питагорасъ свое „эрека“ мусѣль воскликнути.

— А, трохи инакше, хотя даже подобно...

— Авст... Авст...

— Авст..рі—помагаль учитель — но Авст..рі..я.

— А...австрія.

— А видишъ, только смѣло...

— А якъ зовеся столица Австріи?

— Столи...ица А...австріи...

— Такъ столица, т. е. то мѣсто, где суть найвысшии уряды, где живе царь...

— Пе...пе...петербургъ!

— О...! Петербургъ есть такожь столицею, но цѣсарства Россійскаго. А наша столица зовеся Вѣ... Вѣ...

— Ви..инни..ики.

— Буде уже — отзвался господинъ директоръ, который во время испыту былъ занятый записью — не мучьте хлопця.

На тѣмъ скончился испытъ поправчій.

— А... гадаю — если такъ учатъ въ школѣ и столько умѣтности вымогаютъ, то тутъ святе житье.

Ой малъ я часъ пересвѣдчитися, що учили иначе и вымогали безконечно болѣше, только где-которыи учителі робили часомъ съ гдекоторыми учениками изъятія, а то съ такими, которыхъ батьки якимсь чрезвычайнымъ способомъ умѣли себѣ благоволеніе для неуковѣ-сыновъ позыскати.

Я записался и почаль ходити до гимназіи.

(Прод. слѣд.)

ПЕТРѢЙ и ДОБОЩУКИ.

Повѣсть Джеджалика въ трехъ частяхъ.

(Часть перва).

(Продолж.) Добошуки шли долго молчки, — уже и сонце клонило ся ко западу. Голодъ зачалъ имъ разъ то болѣше доскулювати, — они мимовѣльно уже и звѣльнили кроку, — ноги не хотѣли держати такого темпа, якіе имъ наказовалъ голодный жолудокъ. Немала пріото была радость нашихъ удалыцѣвъ, коли здыбали въ лѣсѣ одного изъ „товаришей“, таки самого Невеличкого, который зруочно пѣделухалъ минувшои ночи размову обоихъ братей въ „пустыні“.

Кто и отки былъ той человѣкъ, — никто не зналъ. Найзнаменитшою чертою его характера была якась непозначна, змѣнна хитрость и лагодѣность средствъ, которыхъ уживалъ, но осягнувшіи свою цѣль онъ ставался неразъ свирѣпымъ и дикимъ. Голосъ его былъ солодкій и тихенкій и въ цѣломъ укладѣ его тѣла, во всѣхъ его движеніяхъ было только природности и якоись невинной простоты, що годъ было не вѣрити его словамъ, годъ было и подумати, що то только маска, подъ которой кроятся ужасныи эгоистныи цѣли.

Невеличкій первый узрѣлъ идушихъ Добошукукъ. Онъ мовъ лисъ, сидѣлъ середъ густого, широколистого, лѣскового корча. — Онъ познавши ихъ, безъ шелесту вылѣзъ изъ своиі крыѣвки и несподѣвано ударилъ обоихъ разомъ зъ заду по плечехъ руками.

— Здоровѣ были!

Оба молодѣ здрогнули почувши людскій голосъ въ сей пустыні, но познавши товариша, утѣшилися и оповѣли му цѣлу свою пригоду, — укрываючи

однакожъ тое, що ихъ намъреніемъ было скраденій грошій переховати. Невеличкій слухаль ихъ уважно, а въ его лиці и движеніяхъ пробивалося таке довѣріе ко ихъ словамъ, таке узнанье, що то совсѣмъ природно сталося, що Добошуки до-разу успоконилися и просили го, чи не далбы имъ гдечимъ занестися.* — О, — чомужъ бы нѣ? рекъ Невеличкій усмѣхаючись, и вынялъ изъ торбы долгую фляшку съ горѣлкою и великий хлѣбъ.

Дячи пытались нашій молодцій Невеличкого, що робить въ той пустыні.

— Хибажъ не знаєте, яко наше дѣло? Вашъ отець провѣдалъ нынѣ, що Петрій пішополь на Угры. Я розставилъ по дорогахъ чаты, щоби го дѣстати въ свои руки. А що, — правда, що мое становище было добре и ви навѣть не билибъ мя открыли? Самъ я его собѣ выбраль!

Молодцій покрѣпивши отойшли, а Невеличкій усмѣхнулся за ними іронично, поховалъ все въ свою торбу и голосно штирикнувши пальцями лѣвої руки, якъ звичайно дѣлалъ, коли бувъ довольний собою и своимъ дѣломъ, удалися назадъ на свое становище.

Тымчасомъ Петрій въ М. не менше бувъ довольний своимъ дѣломъ. Выйшовши отъ судії стрѣтиль недалеко Изака, который цѣкавий бувъ, якъ его новий пріятель покончилъ дѣло.

— Добре пішло, — сказалъ Петрій и оповѣль жидови цѣлу справу.

— Та, — може після вашого мнѣння добре, — але менѣ якось такъ не здається. Хоть и грошій вашій найшлися, — то все таки належало, щоби злодѣї за свое отпокутовали! Но про мене, — не менѣ вамъ розказовати, — я васъ толькож маю запытатися, що дѣлаете теперъ?

— Та що бачите, — я хотѣль ити домовъ.

— Э, — где теперъ, підъ нôч, пускатися въ лѣсы? Отъ, ходѣть скорше со мною, — я заведу васъ межи ченыхъ и ученихъ жидовъ, моихъ пріятелей.

Петрій подумалъ кобъка хвиль, а наконець рѣшился остати, сподѣваючися, що не мало схбснє изъ розмовы, „гречныхъ и патріотичныхъ“ жидовъ, тутъ переночує а завтра виrushить въ дорогу домовъ, и стане тамъ еще передъ вечеромъ. Кромѣ того оставалася еще справа грошева до залагодження. Изакъ зложилъ сумму, которую були Добошуки викрали, въ однѣмъ банку и обѣцяль Петрієви изъ нихъ значный процентъ. Залагодивши грошеву справу попрощавши Изакъ Петрія до одного изъ своихъ пріятелей, Арону, у которого мала вечеромъ отбытися нарада и долша розмова „ученихъ и ченыхъ“ жидовъ.

Розмова тата переконала Петрія основно, що таї галицкій, якъ и угорскій Русини не зможуть

двигнутися матеріально, а навѣть и морально, если жиды не сближатися до народа працею, — если будуть и дальше смати и туманити его, если и дальше будуть встрѣчати его съ убиваючою погордою.

XV. Поворотъ Петрія.

Уже на другій день сонце хилилося гетьто зъ полудня, — уже въ лѣсѣ косо приблысковали его лучі крбзъ галузь ялиць и смерекъ, коли Петрій поверталь изъ Угорь. Уже лишилъ тое мѣстце, где такъ ненадѣйно стрѣтился бувъ съ Иванкомъ, — но онъ и не зауважалъ того. Его душу занимали совсемъ ініи предметы.

— Дай Боже добрий вечеръ! бѣзвался голосъ за нимъ. Онъ оглянулся и побачилъ низкого порядно одѣтого чоловѣка. То бувъ Невеличкій, котрого Петрій однако не зналъ. Онъ убраний бувъ по подорожному. Лице его заявляло толькож простоты, ширости и отвертости, — его уложеніе було такъ спокойне и добродушне, що Петрієви и въ голову не прішло підозрівати его о якісн скрытии, злыхъ намѣреніяхъ. Впрочемъ Петрій бувъ оружный, — малъ звичайний гуцульський топорець и пистолеты за поясомъ, — а незнаемый кромѣ торбы и палицї не малъ при собѣ ничъ, щоби казало заключати на якісн непріязни намѣренія.

Привитавшия якъ Богъ приказаль, они идуши поручь себе зачали съ собою дружеску, господарску розмову, и Невеличкій показаль въ рѣчахъ господарскихъ толькож оптності и бѣгlosti, розвинулъ въ розмовѣ такъ красныі гадки о піднесенью нашого земледѣлія и въ загаль селянскаго стану, що кождый, знаючій близше того пройдисвѣта бувъ бы не мало здивовался. Але Петрій не здивовался аї разу видячи порядну одежь незнаемого и чуючи его слова выговореній съ непрітворною, якъ ся здавало, широстю.

Чимъ бѣльше зближалися до краю лѣса, — тымъ съ бѣльшимъ жаромъ говорилъ Невеличкій, живо гестикулюючи и штирикаючи пальцами лѣвої руки. Розмова поволи перейшла на лѣсы и на лѣсництво.

— Маєте знати, я такожъ лѣсный, — я такожъ стрѣлець, — але ваблю звѣрину по бѣльшої части въ засѣдку, въ сѣти.

И онъ зареготался значучо при тихъ словахъ, а вынявши зъ за ременя невеличке мѣдяне свистальце свиснуль нимъ три разы. Звонкій тонъ розлялся далеко по лѣсѣ. Петрій ажъ здрогнуль почувши его и оглянулся кругомъ, чи нѣтъ якого небезпеченства. Но кругомъ було тихо и цѣла лѣсна природа то-нула поволи въ грубий, непроникненый сумракъ. Петрій не мігъ придумати, въ якій связі стояль той дивный свистъ съ попереднjoю розмовою. Недовѣрчивимъ окомъ зачалъ Петрій глядѣти на свого

* покрѣпнтися.

товариша. Той продолжалъ вправдѣ размову, но видко было, что чогось нетерпеливился. Чи чекалъ кого, чи боялся якого нежданого небезпеченства?...

Громкій выстрѣль разлягся наразъ середъ обши тишины будячи въ окличныхъ горахъ не менше громкій отгомонъ.

— Гурра! роздалися въ сейже хвили голосы кругомъ въ темнотѣ. — Ломъ затрѣщаль и Петрѣй ^{зупинившися}, что со всѣхъ сторонъ летить на него много ^{людей}.

— Гурра, маємъ пташку! роздался межи ними голосъ Олекси Добошука, уже совсѣмъ близко. Петрѣй побачилъ своего противника высуваючогося изъ гущавини на стежку, — въ небезпеченствѣ однакожъ совсѣмъ не стратиль притомности.

— А, — чи такъ? крикнулъ онъ и выхопилъ обама руками пистолеты изъ за пояса. Змѣриль однимъ до Добошука, а другимъ до Невеличкого.

— Ось вамъ гостинець, собаки! Петрѣй хотѣлъ выстрѣлити, але курокъ ценькнулъ о скалку, — нѣдѣска саркнула, — но не выстрѣлило.

Тымчасомъ Невеличкій палицею отбылъ руку Петрѣя, который му майже до груди приложиль пистолетъ, а схилившися зруично, вырвалъ му изъ за пояса топорець.

— Теперь онъ нашъ, — берѣмъ го безпечно, — теперь васть шершень не ужалитъ, — крикнулъ весело Невеличкій, а розбишаки окружили Петрѣя и стислися такъ коло него, что не мѣгъ анѣ однимъ членомъ рушити.

— Берѣмъ го, — вяжѣмъ добрае! комендовалъ Олекса.

Петрѣй познавши, что дармы всякий опрѣ и що онъ доразу безъоружный, постановиль спокойно дати сѣ себю все робити, що схочутъ его вороги, щобы опоромъ еще бѣльше ихъ не дразнити. Онъ молчаль и смѣлымъ поглядомъ дивился на розбишакъ, що шнурами вязали его руки.

— Но, но, господине Петрѣю, — уговорювалъ усмѣхаючись Невеличкій. Прошу васъ, — не гнѣвайтесь на мене за туу штучку! Но я сподѣваюся, що вы, яко розсудливый чоловѣкъ, розваживши все, не только що не противитеся, — але ще и похвалите мою справибѣстъ!

Тымчасомъ товаришъ уже звязали Петрѣя и заткали му ротъ, щобы не кричаль. Олекса и Демко оба надзириали пильно, щобы все было тѣсно и крѣпко и ругаючими поглядами мѣрили разъ у разъ свою жертву.

— А видишь, пане Петрѣю, — що и на тебе прїшла пора, закоштовати нашихъ рукъ и усмирить троха свою гордбѣстъ! говорилъ Демко.

Олекса оглянувшши шнуры и узлы крикнулъ до своихъ:

— Напередъ съ нимъ, на приготоване мѣстце!

Два товариши прискочили до Петрѣя и взяли го за рамена, — одинъ пѣшолъ передъ ними, — а решта зъ заду, и въ такомъ сопроводѣ рушиль Петрѣй на мѣстце свого несподѣваного и поневольного ночлѣгу.

Посередъ темныхъ чагаровъ, середъ глубокихъ деберь, на которыхъ сподѣ шумѣли потоки заваленій зъ верха гнилыми ялицями, камѣньемъ и повалеными трамами, вносился высокій, недоступный островъ въ видѣ круглого, на верху плоского стога. Стогъ той былъ высокій, обрывистый боками, а на верху порослый грубыми, столѣтними смереками. У ихъ стопъ лежало велике множество гнилого лому, попереплѣтаного яснозелеными пасмами ползаючои нетоты,*) та розлогими, густыми корчами ожинъ. Лишь одна узенька стежечка вела въ гору скрѣзь ті завады на досыть обширну поляну, о которой никто изъ окличныхъ селянъ не зналъ запевно, кромѣ властивыхъ лѣсовыхъ птаховъ. На серединѣ тои поляны стояль прегрубый, зъ коры обдертый и зъ верха уломаный пень, который еслибы умѣлъ говорити, былбы оповѣль не одно событие, якого былъ свѣдкомъ, и отъ котрого бы слушателямъ кровь въ жилахъ стялася. Теперь ожидало го зновъ щось въ родѣ тыхъ давныхъ празниковъ!

Съ великимъ трудомъ дѣсталися розбишаки съ своею жертвою на туу поляну.

— Га, — прецѣнь мы на мѣстци! крикнулъ тяжко отыхаючи Демко, который, первый выйшовши на поляну, кинулся, якъ долгій на мягкой, густой мохъ, що зеленымъ руномъ покрывааль цѣлу еи круглаву площе.

Розложѣмъ огонь, товариши, — сказалъ не мовѣбы просительнымъ голосомъ Невеличкій, — и сейчасъ двохъ товаришей кинулося до дѣла, щобы запалити приготовану купу сухого лому. По недолгой хвили яркимъ свѣтломъ облялася тая безлюдная сторона, а старыи дуплавии ялиці цѣкаво поглядали на сцену, которую окружали и заслоняли своимъ грубими пнями. Петрѣя все еще держали два розбишаки за рамена, — они такъ долго трудилися, щобъ дѣстati го въ свои руки, що буцѣмъ не вѣрили собѣ, що го держать и не хотѣли го выпустити зъ рукъ, хоть онъ совсѣмъ не пручался и не старался убѣчи, видячи неможливостъ такого ратунку.

„Товариши“ обстутили Петрѣя пригляджаючися ему цѣкаво при свѣтлѣ огнища, хоть кождый зъ нихъ неразъ уже въ день малъ способнѣсть видѣти его. Но онъ спокойно и тихо глядѣль на кождого; анѣ тревоги, анѣ непевности не можъ было вычитати въ чертахъ его лица.

*) Родъ *Lycopodium*.

— Привяжь собаку до пня, — мусимо зачали допросъ! повелѣлъ Олекса.

Розказъ выполнено и допросъ начался. Петрѣй однакожъ молчаль и ничего не хотѣлъ сказать, только спокойно и съ погордою поглядалъ на Добощука.

— Собача кровь, — крикнулъ розлюченый тымъ молчаньемъ Добощукъ, — еще и теперь столищъ? Пожди, — я тя сейчасъ навчу спѣвати! Ану, хлопцѣ!...

Кинемъ заслону на дальшій перебѣгъ тои сцены, — скажемъ только, что Петрѣй помимо муки и болѣвъ ничь не вызналъ, и что товаришъ наконецъ рѣшительно супротивилися дальшому мученью, хотячи го долше задержати при житъю, и сподѣвающи ся наклонити го голодомъ до показанья скарбовъ. Они лишили го привязаного до пня, а при немъ двохъ вартовыхъ, что го мали всегда допытovати, чи не рѣшился показати мѣстце сховку, — и прочіи разомъ съ Добощуками розѣйшлися.

Тои самыи ночи, коли така страшна пригода случилася Петрѣеви при поворотѣ изъ Угоръ, висѣлъ Андрѣй уже другу нѣчъ о голодѣ и въ страшныхъ мукахъ въ пустыни и чекалъ що хвилії Добощука, чи не пріиде однимъ ударомъ положити конецъ его житъю и мукамъ. Сердце его наполняль тяжкій жаль за родичами, за Олесею, за пріятелями, которыхъ не малъ николи уже бачити!...

Ажъ гдесть по полночи заскрыпѣли полупаній дверѣ пустынѣй, — вѣйшоль Олекса съ сынами, — и всѣ три не оглядываючися на Андрѣя усѣли потемки на лавѣ.

— О, — таکъ, — говориль Олекса, — тутъ нась дурна ваша мати не учуе! — Теперьже скажѣть ми, що вамъ приключилося?

Ленько оповѣлъ отцю короткими словами тое, що читателій уже знаютъ о ихъ увязненю и освобождѣнью.

— Но, — добре то сталося, — але що проклятый Петрѣй забралъ назадъ грошій, — то паскудна справа!

— Але за то теперь собѣ отпокутуе, — зареготался Сенько.

— О, — не лишь биь самъ, — сказалъ Олекса, — маю я ще тутъ и другого пташка, — его сына!

— Где, — где, — запытили Ленько и Сенько въ одинъ голосъ.

— А, — туй таки, — въ пустыни! Засвѣтѣть лишенъ каганецъ, побачите, якъ я го дозираю.

Сенько засвѣтиль каганецъ, — и оба сыны ажъ задрожали побачивши страшно закровавленого, збитого и ледви живого Андрѣя.

— А що, собачай сыну, — скажешь, где Добощевій гроши? пытали Олекса ударивши нещастного молодця кулакомъ въ груди. Но той съ трудностю

только обернулъ къ нему свое шклянне, на пблъ мертвѣ око, и ніякъ не отповѣдалъ на той вопросъ.

— Якъ собѣ хочешь, — ты мене не знушишъ своимъ молчаньемъ, — але я тебе скорше! Такъ сказалъ Олекса, съ погордою и холодною безчоловѣчностью отвернулся отъ Андрѣя и выишолъ.

Нелюдске поступованье отца съ ихъ давнымъ товарищемъ школьнімъ подѣствовало заразливо и на молодыхъ Добощуковъ; жилка злобы и ненависти заграла и въ нихъ.

— Сеньку, — та чи знаешь ты, що той нашъ богатырь, который тутъ яко образокъ на стѣнѣ висить, по уха залюблений?

— О, — а чому же бы не зналъ? Адже Олена Батлановна давно уже вздыхае за своимъ Андрѣйкомъ!

— Знаешь ты що, Сеньку, — зробѣмъ мы старому Батланови другу несподѣванку послѣ тои, котру му зробиль Демко!

— А то яку ты думаешь, Леньку?

— Та таку: залюбѣмся ще бѣльше якъ по уха въ его цяцю доњку!

Сенько не мѣгъ єще добре поняти, о що ишло Ленькови, но той сейже часъ и розтолковалъ ему.

— Ай, — бѣгме, славна твоя гадка, Леню, — варта бы твой панянцѣ показати стежку въ горохъ, най не буде така горда! Ба, — але якъ то зробити?

— Дурный ты, — ничь лекшого, якъ то! сказалъ Ленько, — ось послухай лишень! И биь зачаль брату голосно розвивати свой плянъ. Завтра мали взятися до дѣла. Братья подали собѣ по скбиченю умовы рука на знакъ згоды, и ругательно засмѣялися поглянувшіи на Андрѣя.

А биь нещастливый чулъ страшну ихъ мову, — видѣлъ, що Олеся мусить впасти въ сѣть, съ діявольскою штукою заставлену, — сердце его мучила цѣла сила любви и побѣльшала его физичныи муки непокоемъ о любиму, — биь радъ бы быль умерти, щобъ только своею смертью єї уратовати, — але шнуры, которыи му тѣло проѣли, не пускали го ані до житъю, ані до смерти!

XVI.

О л е с я .

— Иванку, — чи ты знаешь, на що ты заслужилъ отъ настъ? пытали грѣзнимъ голосомъ Сенько придержавши малого Иванка въ лѣсѣ, куда той выгналъ бѣль коровы пасти.

— Та я ничего не виненъ, — то Петрѣй... говориль плачливымъ голосомъ Иванко, — но Сенько перервалъ му:

— Молчи, — я знаю всѣ, — я знаю, що ты виненъ, и мѣгъ бымъ ти туй заразъ смерть зробити!

— Змилуйтесь, — даруйте житъе, — що я вамъ виненъ? Я вамъ зроблю, що ми скажете, — лебе-

дѣль хлопчина, коли Сенько ухватилъ го за колѣръ сорочки и гдѣялъ праву руку надъ его головою.

— А, — бѣчиши, — теперь просишь ся, — а скоро тя пущу, то зновь таке саме наробишь, якъ впередъ! Ну —

Сенько замахнулся.

— Нѣ нароблю, не нароблю, — пищаль хлопчина, — бѣгме, послухаю васть всегда!

— Послухаешь?

— Послухаю, послухаю!

— А зробишь, що ти скажу и такъ якъ ти скажу?

— Зроблю, зроблю, — лишь бойтесь Бога, не погубляйте душй!

— Но, то ще ти той разъ дарую, — але памятай, — якъ ми ще коли такъ спишешся, якъ въ лѣсѣ, то тя на першой лѣсній галузи зацморкні!

Иванко пущеный не мoggъ и слова сказать дрожачи зъ переляку.

— Теперь слухай, що ти розкажу. Иди ми заразъ у село до Батлана и закличь Батланову Олену на бокъ такъ, щобы никто не видѣлъ, — розумѣшь?

— Розумѣю, розумѣю! Чомужъ бы нѣ?

— И скажешь ей, щобы заразъ шла съ тобовъ, — бо, скажешь, Андрѣй и его отець єв кличуть Але най иде заразъ съ тобовъ и най никому не говорить, где иде, — можешь ей сказать, що заразъ вернєся.

— А якъ буде пытати, где Андрѣй и Кирило?

— То ей скажешь: То заразъ увидите! Але не кажи ей, що я тя послаль, — мусишь казати, що самъ Кирило.

— Кудажъ єв провадити?

— Сюда! Я тутъ буду тымчасомъ худобу завертати и на васть чекати. А борзо бѣгай и не бавься

Иванко притиснувши рукою широкій, соломяный капелюхъ на головѣ, щобы не злетѣлъ, побѣгъ схилившись, що духу, лѣсовою стежкою на поле, черезъ поле въ село, и небавомъ сковался за пригоркомъ.

— Славно, Семене, — отозвался Ленько изъ гущавини. Онъ скрылся быль, щобы не взбуджати въ хлопцю якого подозрѣнья и чулъ цѣлу розмову. — Она буде гадати, що ей не знати-що мають скажати тіи два мудрї, и певно прїде сюда!

Олеся Батлановна полола въ городѣ. Погода была прекрасна, — теплый лѣтній воздухъ проникаль, здавалось, цѣле тѣло, и понуковалъ кровь до живѣйшого круженья, думки до скорѣйшого лету, воображеніе до большої рознообразности и стройности. Въ низу журчали потоки бьючися кришталльными фалами о широкій плыта, — пѣсня сама

тиснулася до упь, наполняла чаруючими звуками сердце и душу. Але Олеси было не до пѣсни. Зловѣшчі, сумній думки, мовь ночнїй, вывалоокій совы перхали по еи души. Андрѣй позавчера еще где вѣшолъ и не верталъ, — стара Петрѣиха не пять, не десять разовъ прибѣгала уже до Батлановъ за нимъ звѣдоватися, — збѣгала и Олеся съ нею майже цѣле село, — але никто не зналъ, куда бнъ пошоль. Олеся сумовала, — робота ей не йшла, — замѣсть буряну часто-густо вымкне бурачокъ або маковку, — и пѣсня, едина отрада тоскуючои душѣ, не лилася якось изъ еи устъ.

— Добрый день вамъ, панно Олено, щасть Боже при роботѣ! промовиль Иванко надбѣгаючи зъ стороны поля, задыханий и румяній на лиці. И не чекаючи отвѣта перехопился черезъ плѣтъ и підскочилъ черезъ грядки до неї.

— Отъ также, — молокосостъ якійсь, — промовила гнѣвно Олеся, котру дуже то ображало, если єв кликано: панно, — ему на жарты збиraseя! А то якои мары тебе сюда черезъ плѣтъ несе? Но, — ты, — та чиcь ослѣпъ, чи не видишь борозды, що черезъ грядки гуляешь?

— Эй, панно Олено, — якіжъ бо вы заразъ гнѣвній! Якъ бы вы знали, яку я маю вѣсть для васъ за пазухою, — то бысте певно такъ не кричали на мене!

— Рушай собѣ въ сине озеро съ своею вѣстю и не толочь ми бураковъ!

— Ага, — вы думаете, що я дармо гналъ изъ лѣса ажъ сюда, — и таки заразъ не ототхнувші побѣжу на оборотъ? Дайте прецѣнь хоть слово до себе заговорити!

Иванко дуже былъ живый и жартобливый хлопець, и умѣлъ кожного такъ заговорити, що той забывалъ про свій смутокъ слухаючи его вытребеньковъ.

Приступивши близько до Олесій бнъ заговорилъ скоро и притишенімъ голосомъ:

— Панно Олено, — мене послали сюда Кирило Петрѣй и его сынъ, — вы бачу его знаете, — чи нѣ?

— Где они, — где они? — пытала скоро Олеся.

— А, ба, ктожъ выгадалъ такъ напруго пыталися не выслушавши всого, що маю говорити? Отожъ они выслали мя, абымъ васть просиль самихъ, сейчасъ ити до нихъ, — мають съ вами о чомъ дуже важніомъ говорити.

— За мновь, и заразъ, самой ити?

— А такъ! Никому не кажеть, куды идетѣ, — а зрештовъ то недалеко, — заразъ вернете! Ну що, идетѣ?

— Эй, — а може ты брешешъ, Иванку? Що бы тамъ Петрѣй малъ зо мновь говорити?

— Я брешу? То вы гадаете, що я бы такъ собѣ на жартъ лишаль саму худобу въ лѣсѣ и бѣгъ

полемъ, що духу, сюда, щобы вамъ оповѣсти, — тай що? ниссенитнико?

Олеся молчала, — ей якось и не хотѣлося вѣрити въ правду тыхъ слоў, и щось заразомъ тягло еѣ побачити якъ найскорше того, за котрымъ уже такъ заскучала.

— Гдѣжь они суть?

— А, — то уже, сподѣваюся, сами побачите, — лишь скорше ходѣть! Олеся ще стояла нерѣшима.

— Но щожъ, — долго вамъ ще маю говорити, щобысте скорше ишли?

— Га, — про мене, дѣйся Божа воля, — ходѣмъ!

— Ось они, — идутъ уже, — чи бачишь, Сеньку! шепталъ Ленъко засукующи руки зъ радости.

— Но, — щожъ, — кудажъ еѣ попровадимо?

— Куда? Э, — то мала рѣчъ, — що то значитъ?

— Нѣ, — знаешь що, Ленъко? Маемъ що робити, то уже робѣмъ порядно! Провадѣмо еѣ ажъ на „глухій островъ.“ То не дуже далеко.

— Та ба, — але тамъ прецѣнь есть Петрѣй и товаришъ, — що го стережутъ!

— Тымъ лѣпше, — най видятъ все!

Та размова ведена была шептомъ, — и за той часъ уже зближался Иванко съ Олесею къ лѣску. Иванко молчаль уперто черезъ цѣлу дорогу, — а думки Олесії старалися надармо пробити мраку, въ котру впровадилъ еї хитрою вѣстю хлопакъ.

Ленъко на послѣдне слово брата въ молчанью притакнуль головою, — и оба корчами пошли на невеличку полянку, куда небавомъ Иванко надпревадилъ Олесю.

Не менше, якъ Олеся, зачудовался и Иванко, видячи обохъ Добошуковыхъ сыновъ выходящихъ изъ гущавини. Онъ ніякимъ способомъ не мѣгъ угадати, що за цѣль они мали въ цѣлой той комедіи. А у бѣдной дѣвчини ажъ кровь похолонула. Сердце еї билося въ груди, якъ пташина въ клѣтцѣ, на котру выскочила пажирливый кѣтъ. (Прод. слѣд.)

Листы зъ Ісляндіи.

Новеля Г. Чокого.

III.

(Продолж.) Терезъ однѣй повѣрилась г-жа Штобенъ съ тымъ, що довѣдалась отъ Амоса, а тая, хотячи дѣзнатися, о колько въ тѣмъ всѣмъ правды, пошла заразъ другого дня до брата.

— И ты съ певностю теперь уже останешь при насъ? спытала она.

— Такъ есть.

— А ничего тебе отти не тягне? чиъ цѣлкомъ свободный?

Теодоръ зачервонѣлся. Очі Терезы прошивавою дивилися на него, онъ же склонилъ голову и усмѣхался.

Въ твоихъ очахъ читаю отвѣтъ, — сказала она.

— Якъ то? я тебе не розумѣю!

— Але за то я тебе тымъ лучше: ты любишь; Я знаю о тѣмъ!

— Навѣрно шутишь!

— Цѣлкомъ нѣ! Але для чого не привезъ, ты съ собовою своеї избранної?

— Якои?

— Твоєї красної кореспондентки зъ Ісляндії. Признайся только! тажъ я прецѣнь женщина, я та-кожъ любила, хоть не ъздила за тымъ ажъ въ Йап-ландію!

Теодоръ выдивился съ удивленіемъ на свою сестру.

— Дай спокой, милый Теодоръ, не скрывайся передо мною. Мати и мы всѣ хотѣли видѣти тебе щастливымъ. Ты любишь! Добре! оженися съ твою милою, а только перестань уже разъ тужити за тою Ісляндією! Наша мати умерлабы зъ грызоты, а я бымъ такожъ не пережила еї. Теодоръ! ты завсѣгды былъ добрый синъ, любячій братъ, чиже теперь хотѣлъбысъ змѣнитися? Скажи менѣ правду: Любишь ты, чи нѣ?

— Я не знаю!

— А то добрѣ! Господинъ Теодоръ навѣть не знає, чи онъ любить! Що за наивнѣсть! Але я тое знаю лучше! Еслибъмъ на примѣръ показала тобѣ отъ такій листъ запечатаный пламеннымъ олтаремъ, що? почервонѣль бысъ ся еще разъ, чи нѣ?

— Ахъ, Терезо, въ кѣнци есть то все може только дитинний жартъ, сказала Теодоръ цѣлый червоный.

— Що есть жартъ?

— Та тата любовь, о котрой ты говоришь.

— О Боже, зъ чого бы то вы, мушки, не зробили жарту, если рѣчъ тыкається насъ бѣдныхъ, слабыхъ женщинъ, сказала Тереза съ траги-комичнымъ вздохомъ.

— Будешь смѣятыся, если тобѣ цѣлу рѣчъ оповѣмъ!

— Ай разъ! маешь на то мое слово!

— Добрѣ! довѣдаешь ся о всѣмъ, але еще разъ кажу, що будешь смѣятыся, бо я самъ чувствую, що цѣла тата рѣчъ скорше выглядае на якусъ неприродну, романтичну пригоду, якъ на реальну правду!

— Здаєся менѣ, що занадто розчисляешь съ розумомъ, якъ то годится залюбленому. Любовь, котра немає въ собѣ ничъ романтичного, надприродного, перестає быти любовью! А моя любовь съ совѣтникомъ, чиже не закравовала на яку казку? Теперь уже не вымовишься! оповѣдай!

— Охотно! може подаси менѣ яку раду, а може и знаешь тую дѣвчину?

„Може ѿ знаю, если только не мешкае въ Исландії, бо тамъ до того часу не маю еще ніякихъ знакомостей.“

„О нѣ! она жіе въ Грауенбургу.“

„Гдѣжъ то есть? Чайже не въ Норвегії?“

„Нѣ! тридцать миль бѣси.“

„Гдѣжъ ты еѣ позналъ?“

„Нигде!“

„Нигде? то ты еи не знаешь?“

„Знаю, а навѣть даже добра! То правдивый ангел!“

„Ну, ну, разумѣйся! Але навѣрно еще безъ крылъ, а що найменше мешкае тутъ на тѣмъ нашомъ земскомъ падолѣ?“

„Очевидно, бо мешкае въ Грауенбургу. Еи сердце, еи душа восхищають мене! Въ прочемъ не есть она анѣ красна, анѣ богата.“

„Не есть красна? Говоришь отъ рѣчи! Таже се не бачилъ еи! А если избранна твоя есть только твоимъ идеаломъ, то въ тѣмъ винна твоя фантазія, що не утворила собѣ ничь красшого! Але щожъ дальше?“

„Есть блѣда и дзюбата!“

„На Бога! таже ты еи николи не видѣлъ!“

„Правда! Але туть маешь еи образъ!“ Приыхъ словахъ подаль сестрѣ фотографію. Долго привидлялася Тереза образови, и пересвѣдчилася, що Теодоръ говориль чисту правду.

„Вкусъ, пане брате, бывае различны, отозвала ся въ кѣнци, а часто навѣть дивный! Що той твой ангелъ не есть красный, то виджу, але за то має якій дивно-милый выразъ лагодности и доброты.— И ты таже до-разу въ тѣмъ образѣ безцеремонно залюбился!“

„Нѣ! не въ самомъ образѣ, только... але сядь тутъ на софѣ. Еще есть вчасно, можемо безъ перепоны розмовитися. Только разумѣйся, що будешь о тѣмъ передъ всѣми молчати?!“

„О! якъ рыбка!“

IV.

Посѣдали. Теодоръ началъ оповѣдати.

„По смерти нашего батька, четыри роки уже тому написаль я, щоби нашу бѣдну матерь и себе потѣшити стихъ: „Слезы,“ и підложилъ до него музыку. Пізнѣйше выпечатано стихъ той вразъ съ музыкою!“

Въ шѣсть мѣсяцівъ по тѣмъ, отримую листъ. А быль то листъ отъ якоися дѣвчини, підписаный: „Отвілія Вангенъ“.

Мушу тобѣ цѣлый той листъ прочитати, щобися не мала злого выображення о той дѣвиці.

Туть добулъ Теодоръ листъ изъ столика, и почаль читати:

„Благородный господине!“

Може то и не хорошо, що я до Васъ пишу! Але простѣть менѣ, бѣднѣй дѣвчинѣ, у котрои на

той разъ чувство віячиости сильнѣйше отъ чувства приличности. Вы спасли менѣ житѣ! Мой отець, мой добрый отець умеръ, а я его занадто любила, що бымы утрату его могла таже легко перенести. Занедужаламъ тяжко, и то на дусѣ, а лѣкарѣ сомнѣвалися, чи уже коли отзыкаю притомибѣсть. Розумъ мой быль помраченый якимися чорными видѣньями. Вѣчно стремѣламъ до якоися незнаної цѣли, и вѣчно якися непонятнѣ, страшнѣ перепоны спиняли мене. Ужасно страдаламъ! а що въ округѣ мене дѣялое, не знаю, бо лица мене окружаючі здавалися мнѣ якимися непріязнными духами, що ставали менѣ перепоною въ осягненю щастя.

Разъ середъ страшныхъ терпѣній, почуламъ музыку и спѣвъ, а были то Ваші „Слезы!“ Ахъ! Вы такожь чувствовали и болѣли, таже, якъ я! Сила музыки, котра, здавалося менѣ, зъ неба походитъ, успокоила мене. Я розплакалася; а за уступающими поволи слезами, повернула по части память и притомибѣсть; страшнѣ видѣнія сchezли, а непріязнѣ духи, окружаючі мене, змѣнилися въ плачущихъ сродникѣвъ. Съ часомъ я совсѣмъ выѣдоровѣла.

Вы отже благородный господине мене выѣчили, Ваші „Слезы“ прикликали мою душу, зъ посередъ темноты страшного, убивающего помѣшанья, назадъ до свѣтла, до житїя! Часто еще потому чуламъ ту саму пѣсню, ту саму музыку, часто еще вытискала она зъ очей моихъ слезы, але я съ тымъ счастлива! Вашою музыкою, вашими гадками я только жію. Може то уже новыи родъ разстроеня ума, але нехай и таже буде! О кобы уже менѣ разъ злучитися зъ моимъ дорогимъ отцемъ!

Отъ року майже суть то першіи выразы, що ихъ пишу! Сдѣлаламъ собѣ обѣтъ; даесь го исполняю: я зъ сердца Вамъ дякую. А теперъ еще разъ прошу: простѣть!

Отилія Вангенъ.

V.

„Нема що казати, хорошо!“ сказала Тереза усмѣхаючись. „Але щожъ дальше?“

„На такій листъ не мігъ я ніякъ молчати, тожь заразъ отворотною почтою післалъ я отвѣтъ, въ котромъ выразилъ я сочувствіе надъ еи нещастемъ и кѣлькома словами старался я съ и себе потѣшити. Тоє домагалося отъ неи подяки — я зновъ отпісалъ, и таже поволи завязалася межи нами неустанна кореспонденція, котра до нынѣ тревае. Не знаючися лично, полюбилисмо себе, а кождый новыи листъ укрѣплялъ тую любовь. Земля перестала для насъ быти землею; мы не звали змѣсловости, анѣ страсти, анѣ зависти, бо нашї душї заключили съ собою пріязнь, котра не мала ничь вспольного съ звичайнымъ житїемъ. Если жителї неба чувствуютъ и любятъ, то ихъ чувства не могутъ быти чистѣй-*

шъ якъ нашъ. Наша чисто духовна любовь не мае ничъ вспольного съ тымъ, що свѣтъ понимае подъ пріязнью, любовью и т. д. Есть она чимъ незвычайнымъ, сказала бысь, романтичнымъ! Нехай и такъ буде! ту имя ничего не змѣяне!

О Терезо! для незнакомои Отиліи забыть я на всѣ знакомыи дѣвицѣ, и колко ихъ знаю, нѣ одна не змогла Отилію зъ моей памяти вытиснути. Но и щожъ найшолъ я всюда? Существа бѣлье материальныи якъ духови, у которыхъ любовь устает разъ по звѣнчанью, що потомъ бѣлье гадають о то-алетъ и строяхъ, якъ о мужови, которыи...

„Которыи ай на волосъ не суть гѣршими, або лучшими отъ васъ мушинъ,“ перебила Тереза: „При тѣмъ мушу тобѣ, пане Теодоръ, сказати, що стаешься неприличнымъ, и що ты не повиненъ сидячи коло сестры, забувати на тое, що сидишъ коло дамы! Теперь позвалъ я тобѣ продолжати свое оповѣданье.“

„Алежъ я сказалъ саму чисту правду!“

„А я такожъ, мой ты милый! Ты любишь, а любиши не якій то духъ, але по просту твѣръ власнои фантазіи. Ты мечтаешь, а власне для того не рѣзнишъся нѣчимъ отъ тысяча залюбленыхъ, которыи що дни вздыхаютъ до мѣсяца. Вѣрь менѣ, Теодоръ, ты не ангель, такъ само якъ и твоя Отилія. Люде останутъ все одинакими, все они будуть порушатися и жити въ призначеномъ имъ природою колесѣ. То, о чѣмъ ты мечтаешь теперъ, переходитъ звѣчайно кождый. Кождый гадае, що онъ есть чимъ незвычайнымъ, що онъ одинъ становитъ изъятіе зъ помежи всѣхъ, що зъ нимъ дѣяе щось неприродного. Всѣ мы ошибаемся, только кождый въ иншій спосѣбъ. Але ты навѣть поняти не можешь того, що я тобѣ говорю — до того мусѣль бысь быти уже жонатымъ.“

„Алежъ ты мене не понимаешь! Гадай, що хочешъ, але я знаю Отилію. Еслибысь перечитала еи листы, инакше бысь судила. Чи гадаешь, що мене буду Отилію любити сли выйде за мужъ? або що стану ей невѣрнымъ,слися съ другою оженю?“

„Я только тое гадаю, що вы обое въ мрѣяхъ; а мрѣа есть то огонь, который выгасае ажъ все згоритъ. Николижъ не чувствовалисте потребы видѣтися?“

„Я пустился въ дорогу по сѣверной Европѣ, але кореспонденція межи нами не уставала. Тогдаи уже были мы въ найширшой дружбѣ. Отъ ту отпись листа, въ котрому ей возвѣщаю мой отѣздъ.“

(Прод. слѣд.)

ЖЕНЩИНА-МАТИ.

(Продолженіе.)

Дитина оказуєся дома звѣчайно совсѣмъ иною, якъ въ школѣ. Отъ чому повиненъ учитель всегда

порозумѣватися съ родичами. Мати не повинна никогда боронити своеи дитини противъ учителя, хотбы и знала, що той въ чомъ злѣ собѣ поступиль. Но найгѣрше, сли передъ очима дитини ганить учителя, або ему грозить, — якъ то неразъ у простыхъ людей случается. Дитя уважає себе тогды за мученика, за покрывджену сторону и не узнає уже поваги учителя. Дѣти думають и чувствуютъ всегда такъ, якъ ихъ родичи. А если они несправедливи, и простаковати, — то безъ сомнѣнія такими самыми будутъ думки и чувства ихъ дитини.

Мати повинна при дитинѣ принимати мину, якобы велику вагу клала на судъ учителя и свѣдоцтво школьнѣ, — якобы николи не сомнѣвалася о ихъ справедливости и правдѣ, — хотъ дитя ихъ старається усправедливити. Еще гѣрше, если дитину, которую въ школѣ высоварено або укарано, пеститъ або черезъ подарки и сочувствіе стараєесь ей вынадгородити понесену кару. Така мати, що злѣ свѣдоцтво на прошѹбу дитини передъ отцемъ скрыває, або передъ другими людьми крѣе постыдную правду, — а неправдою стараєесь єї прикрасити, дуже богато шкодитъ власнои дитинѣ и може черезъ таке звихнути цѣлый еи характеръ, цѣлу еи будучность.

Но ничъ не дѣйствує корыстнѣйше на умственныи и моральныи розвѣй дитини, якъ тое, Ѥсли родина, хотбы и не знати зъ якъ высокого стану, запрошує учителя до своего домового кружка, угощує и съ поважаньемъ трактує. Чимъ бѣлье родичи оказуютъ поважанья учителеви, тымъ бѣлье и ширѣйше и дитина до него привяжеся, — тымъ корыстнѣйше буде для неї самой тое отношенье.

III. ЛЕКТУРА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Есть то незаперечена, на досвѣдѣ оперта правда, ѿ въ першихъ лѣтахъ житя найгѣршій способъ, въ якій може дитинѣ преподавати науку, есть лектура. Причины того дуже простї. По первѣ: для такого вѣка книжокъ нема и не може быти. Кожда книжка вимагає добре развитои силы понятія, — а того власне хибуетъ дитинѣ. А потомъ: читанье само вліяє вредно на первѣстный розвѣй молодого духа. Прото на початку сего роздѣла ставимъ тую тезу: Не належитъ дѣтей за скоро заставляти читати, — а коли уже можутъ читати, не належитъ имъ позволяти за долго и зачасто читаньемъ заниматися.

Читанье шкодить тѣлесному и духовому здоровью дѣтей. Разъ розчитавшися, заохотяется до дальншого читанья. При тѣмъ мусятъ долго сидѣти въ комнатахъ, — ѿ чо не годится съ ихъ організмомъ. Чрезъ то стають зъ нихъ недотиски, а на старобѣстъ часто такъ званіи бібліоманы, — которыхъ годѣ почислити до найшастлившихъ и обществу найполез-

иныхъ людей. А хотѣбы якимъ дивомъ дитина и не тратила видимо на здоровью черезъ часте и долгое читанье, то таки она не доросте до той зручиости и силы тѣла, якъ осяглабы въ противномъ случаю.

Чимъ бѣльше дитя читае, тымъ бѣльше привыкае скоро читати, а тымъ самымъ гнати безъ мысли, безъ розвати, неразъ и не розумѣючи добре читаного, — по строкахъ за що разъ новыми, перминаучими впечатлѣніями. Но то дѣлае духовому разою великий, тревалый вредъ. Кромѣ того не бавить дитину долго одинъ предметъ. Они любять змѣну, пестру всячину и мѣшанину. Дитинній сказки и письма для дѣтей подаются въ тѣмъ взглядѣ богатый, но шкодливый, духа и умъ ослабляючій матеріалъ. Черезъ то навыкне дитя до побѣжнаго и разстрѣленого мысленія, до половичныхъ, неясныхъ и неопредѣленыхъ поглядѣвъ.

Если съ читаньемъ вздерхимся, — а наконецъ хлопцю дамо исторію живо, легко и приступно сочинену, а дѣвчинѣ (трохи познѣйше) поэму не писану для дѣтей, но проникнену глубокимъ и правдивымъ чувствомъ, — або повѣстку зъ родинного, домашнѣго житья, — то одно и друге, хотѣбы и не все зрозумѣли, бѣльше отнесутъ корысти, якъ тогды, если бы были о кѣлька лѣтъ скорше перекартковали всѣ исторійки, писанѣ для дѣтей, а власливо, для помороченія и забаламученія молодого розуму и чувства.

Если читанье мае быти здоровымъ кормомъ для духа, то треба, чтобы читаючій розумѣлъ, что читае, чтобы по перечитанью не осталось въ души его неопредѣлене и темне впечатлѣніеabo половичный мысли. Кромѣ того мусить читаный предметъ остати въ памяти, а то може лишь тогды статися, если читаючій въ мысли читане порѣвную съ власнымъ досвѣдомъ и розважае, чи то правда, чи то могло статися, чи нѣ? Читаючій противуставитъ тому предмету власне житье, власне положенье и власнѣ особливости, — и самъ вытягне собѣ зъ того корысть, пересторогу, захоту и потѣху. Всяке ине читанье есть непоживна страва духа и ослабляе го такъ само, якъ непоживна страва тѣло.

У дѣтей отъ 4 до 6 лѣтъ не находимо тыхъ вступныхъ условій до читанья. Томужъто перевертаютъ они книжочки, шукаючи тѣлько образкѣвъ, читають тѣлько маленькии исторійки, чтобы скоро кончiti, лишаютъ все, що не будить ихъ фантазіи и цѣкавости,— а съ занятіемъ читають не правдоподобнї казки и дива, зъ которыхъ духъ ничъ не корыстае, а фантазія отримує хоровите, неприродне направленье. Всякій пойме, що то ніякъ не може вліяти на образованье сильного и до житья способбнаго характера.

Педагоги, на которыхъ слово може спуститися, высказали рѣшительно, що дитя передъ семи роками не повинно читати. Природа, — чи то правдива, чи въ образѣ, есть единою на той часъ богатою и ве-

ликою книгою, до котрои мати або отецъ въ потребѣ могутъ лишь гдеющо объясняючого додати.

Но коли дитина уже до той степени дозрѣла, що може и повинна читати, то не належить кормити єї казками и дивесяями, ани безчисленными „повѣстками“ наслѣдуючими совсѣмъ по дурному дитинячій способѣ бесѣдованья, у которыхъ звычайно нѣть содержанья, — не належить давати еї сентиментальныхъ и романтичныхъ безмыслицъ, но выбирати письма, который образуютъ розумъ, ублагородняютъ чувство, будятъ ровночансно умъ и духа и становлять такимъ способомъ здоровый кормъ душѣ. Найотвѣтнѣйшій до того — малій розказы изъ подорожей и исторіи изъ народного и родинного житья, где представлене живе и ясне, способѣ выраженья короткій, простый и зрозумѣлый. Наука, поправа и моральность повинні быти головными элементами и подставами такихъ сочиненій. До того годятся дуже добре многіи, изъ англійскаго перекладанїя сочиненія якъ знаній всѣмъ Робинзонъ, и житье дяди Томы, опрацеванья Купероваго Соколиного Ока и его продолженій, о которыхъ переводы и у насъ часъ бы уже постаратися. Наша словеснѣсть, хоть якъ убога, подае въ тѣмъ взглядѣ такожъ досыть богатый материалъ. Повѣсти Основяненка и Устыяновича, Шевченковї: Гамалїя, Наймачка и Максимова криниця, и иныи того рода творы могутъ стати корыстною и здоровою лектурою початковою.

Но при читанью треба такожъ быти осторожнимъ, особенно въ выборѣ кусникѣвъ. Мати, котра въ тѣмъ взглядѣ завсѣгды буде умѣти зъуважити свойства дитини и дати еї що ѿтповѣдного до рукъ, повинна передъ тымъ завсѣгды сама перечитати тую книжку, закимъ дастъ єї дитинѣ. Найлѣпше зробитъ, если буде читати вразъ съ дитиною, або скаже еї читати собѣ на голоſь. Тогды може найлѣпше наблюdatи дитя и заразомъ руководити его первыми понятіями, объясняючи труднї мѣстца.

Если случайно попадутся мѣстца за высокї, або неотвѣтнї для понятія дитини, або навѣть опаснї для чувства моральнаго, то нехай мати не окаже нї помѣшанья, нї страху, нї ничъ такого, чрезъ що дитинѣ оказала, що на то мѣстце кладе якусь бѣльшу вагу. Черезъ то побудится толькѡ цѣкавость дитини и охота до тайного роздумованья и слѣдженья. Всѣ такіи мѣстца, котрї мати хоче укрыти передъ увагою дитини, нехай поминае молчаньемъ, нехай окаже по собѣ, що держитъ ихъ за ничъ не значучї и маловажнї.

Именно повинна мати на то смотрити, що не попадали въ руки дитинѣ сочиненія, где любовь къ лицу другого пола есть причиною дѣланья або где страсть перемагае обовязаности.

Кромѣ того, въ физичнѣмъ взглядѣ нехай не дозволяє читати въ сумерку, при разячомъ свѣтлѣ

въ скуленбѣ або недбалбѣ позѣ. То дуже часто бы-
вяе причиною болю очей и многихъ иныхъ калѣцтвъ
та слабостей.

Прод. слѣд.

МЕСТЬ МАТЕРИ.

(Криминальна новеля — зъ нѣмецкого).

Переложиль Левъ Кл. Г. Муха

— Преступнику, засудъ на тебе запалъ,
— готовся на смерть. Чи може хочешь еще
апелювати?

— Нѣ.

Судія поглянуль на засудженого быстрымъ, прошиваючимъ окомъ, на котре той стоялъ спокойно, — а въ его оцѣ отбивалося холодне, уперте рѣвнодушіе. Ктобы былъ порбнналъ въ той хвили черты лица судіи и підсудного, былбы здивовался надъ ихъ незвичайною похожостю, котру годѣ было собѣ вытолковати. На лиці судіи было видно нетерпливостъ, а на лиці підсудного упбрь и апатію. Онъ спокойно и безъ найменшои змѣни краски лица принялъ засудъ опредѣляючій его земне житѣ только на кѣлька годинъ. Въ сали тихо, хоть макъ сїй; каждый чувствовалъ сумніє торжество той хвилї; только двѣ особы не подѣляли настроенья присутствуючихъ: слуга права и его жертва.

— Бѣдному хлонцеви лишили дуже мало часу на жаль и покуту — гадаль не одинъ. Але душу судіи не мучили цѣлкомъ подобні мысли, понеже слово простити не находилося въ его словарі.

* * *

Судія Belville сидѣль въ своей бібліотецѣ. Гадка, що небавомъ мало наступити выполненье засуда, котрый отбирає житѣ чоловѣкови, мало его обходила. Зачитался цѣлкомъ въ улюбленимъ авторѣ, коли слуга замельдоваль визиту. Розгнѣваный, що ему перерывають той отпочинокъ умисловий, думаль надъ тымъ, якъ бы поспекатися немилой визиты. Но гость подаль яко поводъ своеи визиты, «праву урядову»; а понеже засадою судіи было не отказовати николи послуханья въ такомъ случаю, проте и теперъ не хотѣль отмовити послуханья гостеви. Онъ вийшолъ до переднѣго покою и ту стрѣтила его досыть пристроена дама, котра чекала на него.

Дама та, хоть, якъ видко, не молода держалася все еще досыть просто, а остро отмаркованій черты еи лица и тлѣючій еще огонь еи чорныхъ очей, велѣли заключати на непогамовану страсть, и твердѣсть характера.

(Прод. слѣд.)

ЛИТЕРАТУРНІ ВѢСТИ.

— Заджумленыхъ батько. Поема Юлія Словацкого На рускій языкъ переложивъ Иванъ Верхратскій. Цѣна 20 кр. а. в. Накладомъ переводчика.

Съ правдивою радостю приходится намъ піднести, що съ рокомъ 1876 розпочинається въ нашій словесности живѣйше и серъїзнѣйше движенье, якъ попередній лѣтъ. Европетристика, языкъ, этнографія нашого народа обогачають новими творами, що свѣдчать о совѣтній праці ихъ авторовъ. До такихъ творобъ надежить отнести и выдану недавно изъ типографії Инст. Ставропіїскаго книжочки, "И. В. — Переводы знаменитыхъ проявовъ иныхъ словесстей суть у насъ теперъ дуже на часѣ, а то зъ слѣдуючихъ трехъ причинъ. Такіи переводы познакомляютъ нашу публику съ тими творами, если они може або задла трудностей языковыхъ, або зъ якихъ иныхъ причинъ не были ей доступній. Они выробляють и образуютъ самъ языкъ, бо обогачають его новими зворотами и понятьями. Они наконецъ противъ тыхъ людей, що хотятъ заперечити самостойність, гнучкость и богатство нашои народной бесѣды, суть сильнимъ и незбитымъ доказомъ, що тата бесѣда истинно велика, богата и способна до найвишшого розвою, що потрафить винести до найвишшихъ висотъ духа и вдохновення.

Двѣ суть дороги составленья доброго перекладу поетичного твору инои словесности. Одна, — держатися дословно тексту, лишаючи на боцѣ его оздобы, гри слбвъ и римъ, — а друга, отворити мысль оригиналу словами и зворотами той бесѣды, на яку оригиналъ переводится. Природна рѣчъ, що тогда не годится поминати и оздобъ та окрасъ оригинала, — о сколько ихъ увзглядненіе не перепиняе вѣрности отданя мысли и свободности выраженья.

Г. И. Верхратскій вступиль на першу дорогу. Его переводъ есть майже дословный, а стихъ — пятистопный, неримованый ямбъ. Хоть такіи способъ перевоженя богато доброго веде за собою, бо достарчає вѣрныхъ, если такъ скажемъ, — отисківъ мысли оригинала, но думаємъ, що бодай зъ слѣдуючихъ двохъ причинъ лѣпшій былъ бы на сей разъ переводъ здѣланый въ второмъ способѣ. Наша бесѣда, котра теперъ невольничо придержуєсь слбвъ и зворотовъ чужихъ, моглабы въ свободнѣйшомъ переводѣ розвинути больше самостойности и творчества — могла бы чужий и непонятній для насъ звороты заступити своимъ питомыми, а такій перекладъ мглъ бы уже дуже зближатися стойностю до твору оригинального. А по вторе, въ переводѣ неримованому теряється та звучність, мелодійність и заманчива прелестъ, котрою чарує насъ Словацкій если где, то запевно въ поемахъ „Ojciec zadzumionych“ и „W Szwajcaryi“. Чулисмо, що г. И. В. намѣряє и тую вторую пречудну поему Словацкого перевести и выдати. Правда, организація нашои бесѣды и нашего стиха совсмъ розлична отъ польского. Коли Полякъ въ стиху потребує числити лишь слоги, намъ якъ найбльше уважати треба па ритмъ. Но чиже изъ того виходить, що у насъ до серъїзнѣйшихъ поэмъ не треба уживати стиха римованого, но бѣлого, подобно, якъ въ драмѣ?

Думаемъ, що лишня рѣчъ підносити, що языкъ въ переводѣ г. И. В. дуже гарний и чистий. Г. И. Верхратскій належить до тихъ немногихъ у насъ людей, що долголѣтній и серъїзний студія посвячали народній рѣчи. Книжка „Заджумленыхъ батько“ має кромѣ того еще одну важну стойність, а именно тому, що надъ кождымъ словомъ назначенъ его акцентъ. Рѣчъ то для насъ совсмъ не маловажна. Квестія наголосу въ нашей бесѣдѣ дуже важна и любопытна. Всякій уважній має не разъ случайність доконатися, що надъ тымъ словомъ, надъ тою самою формою въ розличныхъ сторонахъ розличный кладуть наголосъ. Ще то въ

прозѣ, то поль бѣды, и въ стихахъ, то трудно дати собѣ рады, понеже тамъ ко жде слово вымagaе точно опредѣленного наголосу, дуже ѣрото розумно зробилъ г. И. В. акцентующи слова въ свомъ перевodѣ. Его книжочка тымъ самымъ буде мати немалу стойностъ и при решеню квестіи акцентовои, — въ котрому то взглядѣ, — признавшия до грѣха, — у насъ въ отношеню до важности предмету самого, дуже мало здѣлано.

ВЪ печатни имени Шевченка печатае г. И. Верхратскій свой ювиль производъ „Байки.“ Книжочка буде обнимати 5 листовъ печати и появится небавомъ на свѣтѣ. Въ слѣдующемъ числѣ нашего „Друга“ подамо П. Т. Читатель апиршій розборъ тони працї.

— Въ Одесѣ появился съ концемъ 1875 г. сборникъ творовъ поэтичныхъ Ереміи Галки (псевдонимъ знаменинаго историка и поэта Костомарова). „Правда“ замѣщае обширну критику на то изданіе, — мы запримѣтили только, что поэтическіи сочиненія г. Костомарова писаны на малорусскомъ языцѣ суть по части извѣстніи и нашій публицѣ. Его трагедія „Переяславска ночь“ печатана была въ Львовѣ въ особной книжочкѣ, — а потомъ и часописи „Боянъ.“ Можемъ однакоже примѣтити, что изданіе „Переяславской ночи“ въ Боянѣ совсѣмъ не приносить чести гг. издателямъ. Текстъ самъ до тои степени змѣнами обезображенъ, змыселъ и логика мыслей такъ звихненій черезъ множество пропущенныхъ стиховъ, навѣть ритмъ въ богато мѣстяхъ ушкодженый такъ, что жаль стае тони хороши трагедіи видачи сѣ въ такой формѣ.

— Спѣванки школьній. Уложивъ Н. Вахнянинъ. Підъ тымъ заглавиемъ появился тими днами 14 коротенькихъ пѣснѣкъ, уложеныхъ підъ ноты и назначеныхъ для школьній. Текстъ большои части взятый изъ букваря.

Гадка заохочувати сельскихъ школьній спѣванками до науки, повстало уже давнѣйше, — коли Федъковичъ р. 1868 выдалъ въ Вѣднѣ свой „Спѣванникъ.“ „Правда“ въ ту пору подносила и хвалила ту гадку, яко практичну и ведучу до цѣли, но мы думаемъ, что рѣчь маєся троха иначе. Щобы школьній могъ корыстуватися такимъ спѣванникомъ, мусить на самъ передъ научитися нотѣ. Наука то, якъ кождый знае, досыть трудна. Еслижъ мы тую науку скочемъ уважати яко заохоченіе до властивои науки, яка преподается сельскимъ школьній, т. е. до читанья и писанья, — то реликій вопросъ, чи перва наука трудностю не перевысить второи. А може кто скаже, что досыть ту школьній спѣванникъ научити механично спѣвати? Га, — але яка тогдь корысть изъ тони науки, — спытаемъ. Противно, — тогда умъ дитини стае только тупѣйший, — бо привыкае и где инде до механичнои мертвіи науки безъ самостойнаго мысленія.

— Читаемъ въ З. ирѣ „Русской Гады“, что въ печатни М. Бѣлоуса въ Коломыи появился три новій книжочки п. з. **Бесѣдка, Роздѣленое сердце, комедія въ 1 дѣйствію** переведена изъ нѣмецкого И. Я. Войновичемъ и **Настуня**, поѣсть о. И. Наумовича. Заразомъ заявляе издательство, что небавомъ появится „Катехизисъ пчельничій яко VI. книжочка „Читальний,“ и що будуть выпусками выдаватися „Повѣсти и оповѣданія.“

— Недавно завязался во Львовѣ комитетъ для выдаванья популярныхъ дѣлъ въ языцѣ польскомъ. Видѣлось, что буде популяризована только чиста наука, однако межи появившимися книжочками бачимо мы: про „teczennikow za wiare katolicka.“ Пора бы уже и панамъ полякамъ мати розумъ, и не дурити себѣ и свѣтъ та щѣй до того розъярювати въ народѣ то, что ему не поможе, а то й пошкодить. Спопуляризована наука показалабы дальше що найдеся у нихъ бѣлье способности, якъ то думаютъ паны. Якъ же хоче той комитетъ дѣйстно послужити своему народови, то най

взьмeseя до популяризованья чистой науки, а лишить цѣлкомъ на боцѣ катол. фанатизмъ, що умертвилъ вже не одно живе сердце и живу душу.

ВСЯЧИНА.

— **Дивный телеграмъ.** Сейчасъ по оголошенню подлиннаго тексту ноты гр. Андрашо г. въ дѣлахъ герцоговинскихъ одержало вѣденське „Telegraphen Correspondenz Bureau“ изъ Каира телеграмъ съ просьбою, о якъ найскоршу присылку содеряння ноты до Каира. Отвѣтно тому выслано депешу и хедивъ въ колька годинъ малъ подлинный текстъ ноты. Въ депешѣ находилось 3.818 слобъ, а заплачено за то 3.087 гld. a. v. (числячи по 77 кр. за слово).

— **Оригинальне назначенѣе цилиндрѣвъ.** Нѣмецкій подорожній въ Египтѣ зауважовали часто въ арабскихъ народныхъ школахъ европейскій цилиндеръ на стѣнѣ. „Длячого висить у васъ ту такій капелюхъ?“ поспытали они одного учителя. „Та то украшенье на голову, отповѣль тойже; оно надѣвалася на непослушній дѣти, для котрыхъ то найбѣльшою карою.“

— **Рѣдкій закладъ.** Одинъ джентельменъ въ Лондонѣ заложился 6 100 фунт. стерлинговъ, що никто не буде въ состояніи зробити миліонъ крисокъ на паперѣ перомъ и чорниломъ въ однѣмъ мѣсяци. Криски повинні быти такъ велики, які дѣти при початку науки писанья дѣлати повинні. Найшолся другій джентельменъ, который принялъ той закладъ. До усовершенья заданной працї призначено мѣсяць Лютый, а то по причинѣ, що найкоротшій. Для того принялъ закладъ повиненъ бытъ дѣлати щоденно 36000 крисокъ, то значить 60 въ минутѣ, або 3600 въ годинѣ, числячи 10 годинъ на працю. Увзглядяючи недѣлій, постановилъ принявший закладъ подвѣшити пересѣчне дение число на 41000. Первого дня здѣжалъ бѣль 50000, другого дня такожъ таке число. Съ часомъ упадали его силы; рука слабнула а составъ ручній почалъ пухнути; потреба было, щобъ ктось въ часѣ роботы окропляль его руку покрѣпляючими лѣками. Помимо того всіго принялъ закладъ покончилъ свою роботу уже 23 Лютого, и получиль точно умовлену цѣну.

— Противъ отворюваню листовъ уживають теперъ въ Англії слѣдуючого способу. Понеже дуже легко отворити листъ, если отмочимо легко ту сторону, которую залѣплють гумою, прото пишутъ теперъ въ Англії адресъ на той загумованій сторонѣ, розумѣєся, коли добре высхне. Еслибъ тогдь кто хотѣль отворити листъ, то мусѣльбы замазати адресъ.

Новинки.

— Забава устроена нашимъ Обществомъ въ минувшій четверъ (17 с. м.) выпала що до самыхъ танцѣвъ дуже хорощо, може сказати лучше отъ баля, бо явилось надѣль 100 партъ. Но за то менше удачно выпала грошевый результатъ такъ що приходити покрѣти еще издергки зъ кассы общества на якихъ 40 зр.; однакъ власне тое обстоятельство уважаемъ собѣ за заслугу, бо хотѣли мы, помимо всѣхъ жертвъ, понесеныхъ зъ нашои стороны, забавити нашу пчт. публику, що намъ, дѣйстно повелись.

— **Дѣятельностъ въ Обществѣ нашомъ.** На послѣднімъ засѣданью ухвалиль Выдѣлъ „Акад. Кружка“ дати сего посту колька аматорскихъ театральныхъ представлень. Въ той цѣли выбралъ уже комиссію, которая выстаравшия, если буде возможно, управляющего Совета „Народ. Дома“ о отступлѣннѣ великои салі, займеся устроенiemъ сцены и якъ найскоршимъ введенiemъ гадки въ житѣ. Кромѣ того выбралъ

Выдѣль особну комісію, котра мае заняться устроюваньемъ правильныхъ двотижневыхъ музикально-декламаторскихъ вечеркѣвъ въ комнатахъ Общества. Въ той цѣли вынаймитеся фортепіанъ и составится оркестра изъ членовъ, грающихъ на розныхъ інструментахъ. Съ такими вечерками будуть получены отчты, котрій вже и такъ отбываются, а именно въ той способѣ, що або говорити буде о декламованіи предметъ членъ комісіи (почемъ слѣдує загальна дискусія) або держати буде отчть якій членъ Общества, а критиковати буде той предметъ одинъ або и два члена комісії по попередніомъ прочитанью. Не менше важнимъ есть рѣшеніе Выдѣла „Акад. Кружка“, абы выслати депутацію до Совѣта управляющаго „Народнымъ Домомъ“ съ объявленіемъ, що многіи академіки заявили охоту безплатными трудами причинити до упорядкованья бібліотеки „Народного Дома“ и до якъ найскоршаго отворенія еи для публичного ужитку. Рѣчь то такъ важна и для Совѣта користна, що мы сподѣваемся приклоннаго принятія того предложенія изъ стороны Совѣта, особенно если розважимо то обстоятельство, що только при помочи свѣжихъ силъ а подъ проводомъ опытного человѣка, якъ о. Петрушевича, може та бібліотека разъ уже вйті въ житѣ.

Совѣту слѣдовалобы предо всѣмъ помыслити такожъ о еи отвѣтніомъ помѣщенію.

— Въ отвѣтъ на кореспонденцію „изъ Станиславова,“ помѣщену въ Новинкахъ „Слова“ зъ дня 5 (17) с. м., скажемъ только то, що мы не можемъ знати черезъ св. Духа, чи прислана намъ н. пр. зъ Вѣдня стаття есть оригиналъ чи перевомъ. Лучится щось подобного и редакціямъ первостепенныхъ журналовъ, що прислана за оригиналъ и дорого оплачена стаття оказуєся познѣше, по выпечатаню переводомъ или передрукомъ; а однакъ замѣщеніе такои статьи, если она только добра, есть все заслуга для редакції. Насть дивує только то, чому г. Кореспондентъ „изъ Станиславова“ доперва при сей статьи сталъ такъ нечайно и зорко слѣдити спеціально въ „Друзѣ“ за plagiata - ми, оминаючи всѣ прочіи газеты наші.

— Читаемъ въ Nene fr. Presse: 14. с. м. держало въ Вѣдні Товариство Русиновъ Академиковъ п. и „Буковина“, свой 4-й загальний сбіръ. На тѣмъ сбірѣ именовано почетными членами поважаного загально въ Буковинѣ и дуже заслуженого около Черновецкої гіми, молодежи професора, Архимандрита, Беніаміна Іліуца, даліше Ивана Браника гіми, проф. въ Чернівцяхъ, Бенедикта Площанського редактора „Слова“ во Львовѣ, Степана Лабаша журналиста и В. Пуциковича, шефъ-редактора Петербургскаго журнала „Гражданинъ.“ Передъ нами лежить брошурка п. з. „Голосъ до народа,“ котру написали поодинокі члены Товариства и призначили для русскаго народа на Буковинѣ. Не потреба загадовати, що та брошурка призначена для просвѣщенія русскаго Буковинскаго народа, котрый стоїть на низкѣмъ степеніи просвѣти. Члены Товариства намѣряють выдати и въ текучомъ роцѣ подобну брошурку.

† Въ пятницю 25 Лютого с. г. умеръ во Львовѣ знаменитый польскій поэтъ Северинъ Гощинскій, одинъ изъ представителівъ украинской школы. Родженый на Українѣ биъ зъ малу наслухался повѣстей о Колѣбчинѣ и на ихъ тлѣ оснувалъ свою першу поэмѣ большихъ розмѣрівъ: Zamek Kaniowski. Хоть въ той поэмѣ ярко отбивається цонуре вѣдмъ байронизма, хоті характеры осбѣ за дикій, — то предѣнь отзначається она прекрасною живописью мѣстечвостей и артизмомъ въ перепровадженью дѣйствія. Гощинскій есть одинъ изъ тыхъ писательвъ польскихъ, котрій повинній насть больше отъ другихъ занимати, — бо ихъ можемъ вчисляти

до дѣтей нашого народа. Познѣїшіи его творы не занимають блакитнымъ небомъ и зелеными степами Україны, — за то высше стоять отъ Канівскаго замка підъ взглядомъ формы и простоты содержанья. На заменитище мѣстце займають межи ними: Król замczyska и Sobótka. Гощинскій знаний такожъ яко лирикъ. Его лирига, больше философична и глубока, — пріо не кождому доступна. Знамените мѣстце займає покойникъ такожъ яко критикъ, — а польска словесність потеряла въ немъ, якъ гдоктѣрій Полякъ выражалися, свого гетьмана.

— Недавно умеръ найбільшій венгерскій патріотъ Францъ Деакъ, начальникъ демократичної партії, бывшій министръ справедливости, и найспособнѣйшій політикъ, котрому Венгры завдачають все, що выбородіївъ взлядѣ конституції. Політична дѣятельність Деака зачалася съ 125 рокомъ, а не мала она на оцѣ ніякихъ личныхъ цѣлій, кромъ одного добра своеї отчіни. Патріотизмъ Деака осталъ до послѣдніи хвилі его житїя вѣрнъмъ его высказаннымъ словамъ: „дѣлати есть обовязкомъ патріота, и не словами, хочу призвати до своеї народності, только дѣлами.“ Однако хоті любиль биъ свою народність то не попасть въ односторонність, и цѣла его дѣятельність для свого народа, отличалася строгою справедливостію. „Справедливость, сказалъ Деакъ, есть вѣчне сонце; густі хмары могутъ го на хвильку помрачити; однако скорше чи познѣїше, прорде ихъ оно и опять вкажеся еще яскнѣше.“ Деакъ желалъ рвноуправненія для всѣхъ народностей, въ Австрії, для того любилъ его представителівъ всѣхъ народностей и партії въ думѣ державной и соймѣ венгерскому, въ округѣ него крутилася цѣла дѣятельність венгерска. Мы съ своеї стороны запытаемся только: чи встане коли у насъ такій поборникъ нашої народності?...

ЖЕРТВЫ.

— На весілю у Бл. г. Якова Вергановскаго съ бл. д-цю Еленою Бачинскою въ Васильчинѣ сложили дия 20 с. м. на руки тов. А. Дольницкого на „Акад. Кружокъ“ о. Дръ Йосифъ Левицкій 2 з ро. Пачовскій, И. Заревичъ и г. Я. Вергановскій по 1 зр., Ю. Юркевичъ и Фацевичъ по 50 ц. разомъ 6 зр. При той случаїности вписалися въ члены Общества Качковскаго бл. д-ця Елена Вергановска, Леонтина Брылинска, Ольга Клосевичъ и Марія Глинска. Былобы желательнімъ, щобы за тымъ примѣромъ при подобныхъ торжествахъ численнѣше вписались наші красавиці.

Въ бібліотеку Товариства „Акад. Кружокъ“ подариль г. Спожарскій русскій переплетчикъ 20 книжокъ, а г. издатель „Руского Сіона“ о. Дръ Сембраторовичъ всѣ роочки своєї часописи — за що Выдѣль має честь зложити имъ всенародно подяку.

Отъ Выдѣла Тов. „Акад. Кружокъ“.

ПЕРЕПІСКА РЕДАКЦІЇ.

Бл. г. Н. Серетъ въ Бер. „Молитви“ не можемъ замѣстити. Въ ірѣ 3 быль стихъ подобного содержанья. Просимо дальше! Матеріалы до опрацювання вышлемъ. — Веч. г. Вас. въ Лос. Просимо записувати казки совсемъ дословно за народнимъ говоромъ съ увзглядненiemъ выговора, — радо помѣстимъ въ „Друзѣ.“

ІСПРАВЛЕНЬЕ ОШИБОКЪ.

Въ попередніомъ числѣ „Друга“ напечатано ошибочно чольну дату 15 (27) Свіння замѣсть 1 (15) Лютого.

На послѣдній сторінѣ въ статейцѣ: „Про житїе Бориса и Глѣба“ 5-й и 6-й стихъ належить до попередніїї статьї. Упрашаемъ П. Т. Читателей о исправленьї тихъ ошибокъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

 Упрашаемъ о скоре надсыланье залегlostей и предплаты, щобысмо могли обчислити съ издаваньемъ „Друга.“ Рекламації за минувшій 1875 г. увзглядняються только до 15. н. с. Марта.

Властитель и издатель „Академіческій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчає Алексей О. Зафіовскій.

Ізъ типографії Института Ставропітійского во Львовѣ 1876.